

Глава Трес

Лучшее, что можно сделать с гномами, которые бегут на тебя, — это увернуться от них. В этом смысле гномы удивительно похожи на валуны, мчащиеся с горы под откос: никто в здравом уме не встанет на пути ни тех, ни других.

А вот что касается поощрительного пинка на удачу...

Эльфийское тело повиновалось с удивительной прытью. Видимо, тоже не хотело, чтобы его отметелили разъярённые карлики. Я отпрыгнул в сторону, позволив воинственной парочке промчаться мимо, — а затем *приказал* воздуху ускорить ногу, которой и пнул ближайшего коротышку. Кажется, это был Абб.

Результат превзошёл ожидания — не во всём в положительном ключе, к сожалению.

Во-первых, я сломал ногу.

Во всяком случае, я думаю, что сломал её. Она определённо издала хруст, который здоровые ноги издавать не должны. *Воля* на живые объекты не действует, укрепить с её помощью кости нельзя. Ну, по крайней мере, нельзя, если я хотел остаться при этом эльфом. А посему моя конечность попала между иносказательными молотом и наковальней — то бишь очутилась между спиной гнома и отвердевшим воздухом, придавшим ей импульс.

Боль была дикая, и я быстро передал ощущения Атананиэлю-младшему (прозвище временное). Если уж вознамерился провести столетия, похныкивая в моей голове, отныне у него хотя бы найдётся для этого причина.

Так вот, вернёмся к нашим подгорным баранам. Счастливчик, что получил пинка, так им воодушевился, что буквально окрылел от счастья. Гномам редко выпадает возможность полетать, и конкретно этот воспользовался предоставленным случаем сполна. Он преодолел добрых двадцать метров, прежде чем его лоб встретился с подвернувшимся деревом с громким БУМ!

Абб (ли? Всё же Эбб?) сполз к переплетению корней очень тихим и очень сосредоточенным кулём. Я оценил его старания, немного похлопав, а затем шагнул к его

ещё хранящему вертикальное положение сородичу.

Это была ошибка. Не стоило наступать на сломанную ногу. Ступня подвернулась, и я чуть не вспахал носом землю, по чистой случайности устояв.

К счастью, пусть-будет-Эбб оказался так напуган, что ничего не заметил. Для него моё приближение выглядело так, будто сама смерть маршировала по его душе.

И не то чтобы он сильно ошибался.

Я решил постоять на месте. Нога одобрила решение и послала новый ослепительный укол боли, намекая, чтобы я убрал с неё вес. До меня он, впрочем, не дошёл, а значит, всё было в порядке.

— Извинись, и останешься жив, — сказал я беззлобно. Пусть я не смог бы догнать гнома, если бы тому вздумалось бежать, с помощью *воли* можно убить коротышку десятком способов, прежде чем он успел бы повернуться ко мне спиной.

Что? Зачем я выбрал пинок? Признаюсь, во мне разыгралась тяга к артистизму. Приятно почувствовать себя эдаким крушителем, хорошим парнем, который сгибает злодеев в бараний рог во славу самоопределённой справедливости. Ну и кроме того, у меня при себе не было *вещи*, а я уже почти постановил для себя, что до поры до времени не хочу убивать здешних. Без *вещи* сдержаться на паре мертвецов, когда вокруг пахнет кровью, трудновато даже для меня, высшего демона.

Пусть-будет-Эбб разжал кулаки и заплакал. В перерывах между всхлипами он причитал:

— Юный мастер, вы не так п-поняли наши намерения!.. Мы п-просто переборщили с выпивкой!.. Никто не хотел оскорбить вас, мы подумали... перепутали, заете, тут ходит один идиот, вот его, про него мы говорили, а вовсе не про вас, светозарный мастер... опора Дома эт'Мениуа, великий господин!.. Мы глубоко уважаем вас и вашу семью и ни за что не стали бы!..

Коротышка даже упал на колени и пополз ко мне, намереваясь поцеловать ботинки, но я это пресёк. Сломанной конечности только лицемерных лобызаний и не хватало!

Вообще, исходящие от пусть-будет-Эбба страх и ненависть в иной ситуации сошли бы за изысканный букет. К несчастью, эмоции гномов с детства отравляли алкогольные пары, а потому на вкус они были весьма посредственны. Словно уха, сваренная из одних лишь рыбьих глаз.

В общем, я потерял к ним интерес. Немного хотелось свернуть им шеи, но я никогда не выступал за убийства ради убийств, а в качестве жертв ради их чувств гномы подходили откровенно плохо.

— Ладно, так и быть, можешь уже заткнуться. Теперь его очередь, — сказал я, ткнув в лежащего без сознания пусть-будет-Абба.

— Но он ведь...

— Так приведи его в себя, — пожал плечами я. — А затем приведи ко мне. Нечего мне за вами бегать.

Опасливо оглядываясь на меня, пусть-будет-Эбб на карачках подполз к брату и стал расталкивать его. Шло время, но все попытки разбудить его пусть-будет-Абб сбрасывал с себя элегантным храпом и сладким причмокиванием губ. Не то в полёте, не то после поцелуя с деревом этот засранец умудрился заснуть! Под конец его небрежное отношение к собственной жизни вывело пусть-будет-Эбба из себя, и тот зарядил ему серию пощёчин. Их хлёткий свист доносился даже до меня: братец не постеснялся прибегнуть к отчаянным мерам ради спасения родича.

Тот соизволил наконец распахнуть глаза, чтобы зарядить в нос надрывававшемуся ради него пусть-будет-Эббу. Некоторое время гномы ожесточённо лупили друг друга, пока я не напомнил о себе вежливым покашливанием. Тогда пусть-будет-Эбб соизволил объяснить брату, в каком положении тот очутился.

Пусть-будет-Абб прополз от своего дерева путь ко мне на коленях, и я осознал, что гномы окончательно мне надоели.

— Всё, проваливайте, — бросил я, и они убежали, сверкая голыми пятками. Я остался наедине с нытиком-эльфом и ногой, которой с каждым мгновением становилось всё хуже.

Я доковылял до крошечного пруда и с облегчением улёгся на его берегу. Надо было двигаться обратно к особняку, чтобы разыскать там необходимые инструменты для излечения. Но, по правде говоря, нога не так сильно меня беспокоила. Я всё равно поправлю её магией, когда достану всё нужное. Боль исправно поглощал Атананиэль-младший (прозвище временное). Можно и понежиться под ласковыми солнечными лучами...

Так я и валялся, ни о чём не думая, пока меня не накрыла тень. Я недовольно пошевелился, и тень подала голос:

— Ты в курсе, что скоро обед? Хотя нет, откуда тебе-то знать.

Рядом со мной плюхнулась Лютиэна, с наслаждением вытянула ступни к воде.

— Меня послали разыскать тебя, потому что ты, о чудо, выбрался из своего кабинета. Мама с папой надеются, что ты согласишься поесть с нами. Явление отшельника из пещеры — масштабное событие!

Я что-то неразборчиво проворчал. Может быть, у сестрицы найдутся магические инструменты, чтобы излечить меня?

— Что ты тут забыл, собственно?

— Убиваю время.

— Напрасно, — серьёзно сказала Лютиэна. — Время может обидеться и оставить тебя.

— Вот и славно, — ответил я, — лёгкий способ обрести бессмертие.

— Скорее, безвременье. Мгновение, растянутое на вечность. Один волшебник, по слухам, как-то добился чего-то похожего. В этот миг он пил чай вместе со странной компанией. В течение следующих столетий он рассказывал всем посетителям, как его тошнит от чаепитий.

— И чем всё кончилось?

— К нему перестали приходить, — сказала Лютиэна. — Он всех достал нытьём про чай.

Безвременье. Одна секунда, что никак не отличима от следующей. Идеальное описание Эфирия, где постоянна лишь одна сущность — непостоянство. И в этом своём непостоянстве Эфирий бывает удивительно утомителен. Недаром же демоны так любят смертный план. А вот смертные к нам в гости не заглядывают совсем.

Устав от праздных размышлений, я положил ладонь на колено Лютиэны и прошёлся пальцами по её бедру. Едва ощутимые прикосновения, но как ни крути, я лапал свою

сестру, — уж это-то должно выжать из неё вкусные эмоции.

От Лютиэны ко мне донеслось удивление, приправленное насмешкой, но главное было не оно. От сестры исходили тёплые, светлые эмоции, которые я не стал идентифицировать — от одного их наличия меня затошнило. Такую дрянь ни один уважающий себя демон не отважится есть. Я отдёрнул ментальный щуп и убрал руку, на что Лютиэна покачала головой.

— Мне опять пришло приглашение навестить замок от Танов. Наследник точно положил на меня глаз. У него хороший вкус, — сказала она, излучая чистое ехидство. Я обвёл её глазами и признал.

— Действительно хороший.

После поцелуя дриады я начал ориентироваться в физической красоте смертных куда лучше. Вернее, ко мне вернулись воспоминания, на что смотреть. Большую часть, правда, пришлось выбросить за борт. Всё же вкусы у разных поколений разных видов смертных сильно отличаются друг от друга.

— Может, мне наконец согласиться...

Я заморгал. К тому, что дразнить будут меня, я не был готов. Что ж, она сама нарывается. Я в своём праве наброситься на неё. Пусть жалеет о глупых инцестуальных предрассудках и всём таком!

Я подтянул ноги... и сломанная не послушалась меня. Я подрыгал ею — бесполезно. Всё равно что пытаться согнуть мачту голыми руками. Развязав пояс, я стащил штаны — Лютиэна наблюдала за мной с возрастающим недоумением. Но когда она увидела посиневшую, вздувшуюся ногу, на которой багровел шар колена, то громко охнула.

— Древо Великое, что с ней?!

— Я не лекарь, но, по-моему, она чуть-чуть сломана, — ответил я. Подумал немного и добавил: — А может, и вывихнута.

— И думать не желаю, что ты ею делал. Нашёл великана и попросил его постучать по ней валунами? Нет, не отвечай, не хочу знать, — бросила она, хотя я и не собирался. С чего бы мне перед ней отчитываться?

— У тебя есть трубка, чтобы исцелить её?

— Трубка? — непонимающе повторила она и раздражённо взмахнула ладонью. — Ложись на траву. Конечно, глупо ждать от тебя даже базовой исцеляющей магии... Но всё-таки, терпеть такое...

Я слабо понимал, что она собирается делать. Нет трубки — нет магии. По-другому Изнанку не призвать. Но в Лютиэне вскипела такая энергичность, что казалось само собой разумеющимся подыграть ей.

Я устроился на локтях, чтобы поглядеть за деятельностью сестры. Наложит компресс из трав? Она же эльфийка, они всегда тяготели к цветочным выкрутасам. Но нет — просто коснулась пальцами. Наложение рук? Встречалось у слабо развитых народов, которые верили, что способны вытянуть заразу. Они считали, что любая болезнь или травма вызвана соответствующим духом. Чушь полная, разумеется.

Лютиэна горячо зашептала. Шелестящие слова сливались в мелодию, вполне приятную для слуха. Я даже немного подирижировал указательными пальцами — и пропустил момент, когда из-под ладоней Лютиэны заструился зеленоватый свет. Поток боли, доводивший Атананиэля-младшего (прозвище временное) до мысленного визга, немедленно прервался. Синюшность отступила, прогоняемая светом.

Опухлость сперва уменьшилась, а затем исчезла вовсе. Нога приобрела такой же вид, что её соседка, за каких-то две минуты.

Лютиэна выдохнула и вытерла со лба пот.

— Ну, теперь ты мне должен.

Я пошевелил исцелённой конечностью. Для эльфийки смело заявлять такое, но я предпочёл проигнорировать её наглое утверждение. Увиденное меня здорово озадачило.

Никогда за все разы, что я побывал на Мундосе, мне не приходилось видеть ничего похожего. Демоны управляли пространством чистой *волей*, как привыкли поступать в Эфирии. Смертные были вынуждены прибегать к помощи Изнанки. Да и я сам освоил несколько магических трюков — просто на всякий случай.

Но вот так просто исцелить повреждение без воскуривания трубки... без платы Изнанке... это шло вразрез с основополагающими принципами мироздания Мундоса. И эти дурацкие руны в книгах неудачливого демонолога... Этот трёп про дьяволов... От догадки во рту стало кисло.

Не стоит делать далековедущих выводов. Я же говорил на их языке. Он слегка отличался от одного из языков смертных Мундоса, но незначительно. Изменения в языке легко списать на сотню лет его эволюции. Но вот эта таинственная магия, — её не удастся объяснить новейшим изобретением.

Тысячи лет магическое искусство стагнировало, и ничто не указывало на то, что оно не продолжит стагнировать ещё тысячи лет. Если только...

Я с неохотой натянул брюки, вскочил на ноги, попрыгал немного, чтобы размяться. Куда бы меня ни занесло, *воля* по-прежнему исправно прогибалась под себя мир, а следовательно, я всё ещё высший демон.

Раз тут есть чудесные исцеления, почему бы не найтись оружию, которое уничтожит Карнивана?

Я бы справился и без него, но так даже лучше!

— Рада видеть, что ты рвёшься на семейный обед.

Точно. Обед. Желудок обиженно квакнул, жалуясь на то, как его незаслуженно позабыли. Я погрузил ему кулаком: замолчи, не то выдерну! Желудок впечатлён не был и вновь завёл голодную шарманку.

Всё, чего я добился, — это ухмылки и глубокомысленного покачивания головой от сестры. Тоже неплохо. У Лютиэны была красивая улыбка.

Обеденный зал представлял собой гигантскую комнату, в центре которой умастился весьма скромных размеров стол. Надо полагать, маленьким его сделали, чтобы семья могла ощущать близость, а не газеть друг на друга с расстояния в полкилометра. Но даже такого стола хватало, чтобы раскинуть четырёх эльфов по разным сторонам. Никаких просьб передать соус ради укрепления семейных уз! Для того за плечом каждого члена нашего клана пристроился слуга.

Я уныло гонял крошечную помидоринку по тарелке, наполненной салатом, и вполуха слушал застольный щебет матушки. Ничего важного, на что можно было бы отвлечься и

забыть на минуту о предстоявшей тягостной повинности — жевании.

— Нани, тебе нездоровится? — вдруг спросила матушка. Я не сразу сообразил, что речь обо мне.

— Что-то точно произошло, — поддержала её Лютиэна, — он позволил выбросить из своего кабинета весь хлам.

Ну, не сказать, что позволил... скорее, не подумал, что не стоило бы впускать дриаду. Теперь, когда я подозревал, что нахожусь не на Мундосе, знания, заключённые в книгах по демонологии, могли бы здорово прояснить ситуацию... хотя те страницы, что отпечатались в памяти, всё ещё несли в себе мало смысла.

— Может быть, взялся за ум...

— И даже потрогал меня за коленку, — со смехом прибавила сестра. Отец, до этого просматривавший стопку бумаг и открывавший рот только для того, чтобы слуга сунул туда кусочек кабачка, оживился:

— Как здорово! Мальчик задумался о будущем!

— Ещё слово обо мне, как будто меня тут нет, и я переверну стол, — предупредил я.

Папаша заморгал, как большой взъерошенный филин, а мама торопливо вмешалась:

— Нани, не надо сердиться. Мы все очень рады, что ты завязал с чернокнижием и обратил внимание на то, что происходит вокруг тебя. Поверь, нет ничего радостнее для сердца матери, чем видеть, как её ребёнок взрослеет. А тебе с сестрой осталось до совершеннолетия каких-то семь лет! Подумать только, вам почти сто!

То есть сейчас этому телу девяносто три года? Я украдкой осмотрел его. Совсем молодой, живица на губах не обсохла. Почти ребёнок!

Нет даже ста лет... у эльфов, которые известны мне, совершеннолетие наступало в сто пятьдесят. Местные поистине выпускали в большой мир существ младенцев.

— Но кое-что стоит прояснить. Гномы Абберд и Эбберд пожаловались мне, что ты ни с того ни с сего побил их, когда они проходили мимо, — в голосе матери появились стальные нотки.

— Они обозвали меня, и я их проучил.

— Гномы? В нашем поместье? Ах, вы про Ториуса? Чудесный парень, и такая густая борода, — вклинился папаша.

— Дорогой, мастер Ториус умер от старости пятьдесят лет назад, — сказала мать.

— Умер? Гм, какая жалость, — пожевав губу, сказал отец. — Я помню нашу встречу, как будто это было вчера... А кто такие Абберд и Эбберд? Что за незваные гости бродят по нашим землям?! — Отец распалился и грохнул по столу кулаком. — Нани, ты должен был убить их! Никто не смеет без спроса вторгаться к нам!

На мгновение сожаление кольнуло меня. И правда, может, стоило прихлопнуть их?

— Дорогой, — на этот раз железом в интонациях матери можно было рубить реи, — Абберд и Эбберд — дети мастера Ториуса, которые появились на свет в нашем поместье. И они *мои* гости, если на то пошло.

— Вот как? — сдал назад папаша. — Ну, пусть так. Так о чём мы говорили? Ах да, Нани, у тебя такой вид, словно тебя что-то тревожит. Поделишься с нами?

В общем-то, я уже долго думал о том, что делать дальше. С тех самых пор, как заподозрил, что этот мир не Мундос. Я пришёл к выводу, что тут никто не знал об Эфирии. Иначе бы они не вели себя с такой беспечностью. Рано или поздно мне придётся вернуться туда, а для этого необходимы познания в местной демонологии. От записей малолетнего придурка, чьё тело я захватил, избавились, а значит...

— Я хочу отправиться к людям.

Ответом мне стали шесть пар вытаращенных в изумлении глаз.